

Алла Грачева (Санкт-Петербург)
Писатель в стране Советов (по эпистолярным материалам американского архива А. М. Ремизова)

7 августа 1921 г. Алексей Ремизов покинул Советскую Россию, проследовав через Ревель (Таллин) в Берлин. В силу специфики жизни в революционных условиях, 1917—1921 гг. были для него временем максимально интенсивного «устного писательского творчества», контактов с литераторами разных возрастов и направлений, многие из которых ранее не входили в круг ремизовского общения, в основном ограниченного слоем петербургских и московских адептов «нового искусства». Отрыв писателя от «роевой художественной жизни», хотя и был смягчен условиями во многом кажущейся прозрачности границ Советской России и «русского Берлина», тем не менее, происходил достаточно болезненно. Как установлено, до начала ноября 1923 года — времени отъезда из Берлина в Париж — для Ремизова вопрос о возможности возвращения на Родину оставался открытым. Об этом свидетельствует так и не востребованный им документ, дающий право вернуться в Советскую Россию — вид на жительство, основанный на Постановлении ВЦИК от 2 августа 1923 г. за номером 16 ГР.¹ В период 1921-1923 гг. в число весомых аргументов за или против «идеи возвращения» входили письма ремизовских друзей и конфиденентов, оставшихся в России или бывавших там наездами. Эти послания сохранились в архиве Ремизова, хранящемся в американском Центре русской культуры Амхерст-колледжа (Amherst College Center for Russian Culture, «Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers»)² и в настоящее время готовятся автором настоящей статьи к публикации.

© Alla Gracheva, 2010

© TSQ 34, Fall 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Архив МИД России. Ф. 165. Оп. 2. Д. 5 (кн. № 5).

² Далее ссылки на материалы этого архива: Amherst, с указанием номера коробки и папки.

Основные вопросы, интересовавшие литератора и отраженные в письмах к нему из России, следующие. Во-первых, судьба его архива и рукописей неопубликованных произведений, оставленных в Петрограде вследствие условий выезда за границу, как формулировалось, временно, «для поправки здоровья». Во-вторых, состояние издательского дела и, конкретнее, возможность печататься и существовать на литературные гонорары. В-третьих, участь его имущества (библиотеки, квартиры и находившихся в ней вещей, а именно, мебели). В-четвертых, бытовые условия советской жизни, в частности, существования в Петрограде. И, наконец, в-пятых, сведения о событиях литературной жизни и судьбах его знакомых. Выстроенная условная последовательность этих вопросов отражает серьезность обдумывания Ремизовым возможности вернуться на Родину. Ответы на те или иные аспекты волновавших писателя тем можно найти во многих письмах к нему из России начала 20-х годов, но наиболее четко они отражены в эпистолах людей, непосредственно задействованных Ремизовым в решении его личных проблем.

Среди них особое место занимают письма 1921—1923 гг. петроградского литератора Вяч. Шишкова. В годы революции этот писатель круга журнала «Заветы» сблизился с Ремизовым на почве участия в эсеровской периодике и создания сатирических индиферентных сказочек и рассказов, обличавших, пользуясь терминологией Обезвельволпала, «Великую свиарную империю». При отъезде именно ему Ремизов поручил распродать часть своей библиотеки, а также проследить за судьбой остального материального имущества и оставленной квартиры. Эта тема является одной из лейтмотивных в письмах Шишкова. Приведу отрывки из его письма от 29 декабря 1921 г.:

«Милый и дорогой Алексей Михайлович! Ваше первое письмо из Эстонии я получил при совершенно исключительных условиях, лишь в ноябре месяце сведения о том, что Вы вместо Смоленской губернии уехали за границу, а также некоторые Ваши просьбы я узнавал из Ваших писем к общим нашим знакомым. Поручения Ваши я старался исполнять елико возможно. Женщина, которой Вы оставили свои вещи для продажи, вручила мне следующие суммы: за пальто — 225 тысяч, за подушки — 555 тысяч, за мелочь — 35 тысяч <...> Кроме того из ПТО по службе по-

лучено 5045 рублей, имелось наличными 174000. Общий итог = 462545 рублей. <...> Все Ваши сочинения (около 13 книг) в сентябре еще у меня взяла Мария Михайловна [Шкапская. — А. Г.] для отправки Вам. По ее словам, книги отправлены своевременно. <...> А меня, грешным делом, в связи с Вашим отъездом допрашивали. Допрос был строгий, но вполне корректный. Был там трижды, простудился и целый месяц пролежал в постели. Но это, слава Богу, все осталось позади, теперь я бодр и, если б не тяжелые условия нашей квартирной жизни, стал бы работать. [«стал бы работать» подчеркнуто Ремизовым. — А. Г.]. Жизнь страны нашей помаленьку налаживается, открываются фабрики, товарищества, кооперативы, возникают новые издательства, пробуждаются от спячки — старые. Гонорары в Москве — 2—2 ½ миллиона за лист [цифры подчеркнуты Ремизовым. — А. Г.].³

Письма Шишкова содержали не только подробные отчеты о движении имущества Ремизова, но и информативные, зачастую анекдотические сведения о литературной жизни Петрограда и Москвы. В уже цитированном письме среди прочего сообщалось следующее: «С Немировичем случилась оказия. Он только что продал доху за 9 ½ миллионов, ночью пришли жулики якобы с обыском (поддельный мандат) и в присутствии одураченного председателя домового Комитета отобрали деньги. Когда на Гороховой рассмотрели мандат, печать оказалась какой-то пекарни при 47 дивизионе. <...> Слон [дружеское прозвище Ю. Н. Верховского. — А. Г.] живет здесь. В мороз пришел к нам в шести шкурках, сверху дождевик, его, оказывается, еще в прошлом году обчистили».⁴

Сравним сведения из шишковского послания с текстом анонимной заметки под заглавием «Писатели» в издании⁵ «Бюллетени Дома искусств. Берлин»:

³ Amherst. Box. 1. F. 3. №. 27.

⁴ Там же.

⁵ Анализ характера этого периодического издания и участия в нем А. М. Ремизова см.: *Tomas R. Beyer, Jr.* Бюллетени Дома Искусств Берлин // *Rossica*. 1997. № 1. С. 97–103 и *Флейшман Л.* В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофарского // *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography. Essays in honor of Wojciech Zalewski*. Stanford, 1999. P. 145–176.

«Все, кто жил последние четыре года в Петербурге, знали знаменитую доху Вас. Ив. Немировича-Данченко: круглый год таскал он ее на своих еще крепких плечах и только летом — в самые жаркие дни — он с ней расставался. По дохе всякий и узнавал его. И вот случился такой грех: продал он ее за 9 ½ миллионов, а ночью пришли жулики под видом обыска и в присутствии председателя домового комитета отобрали деньги. Уж без дохи пошел В. И. на Гороховую с жалобой, а когда там рассмотрели обыскной ордер, печать оказалась пекарни при 47 дивизионе. Ни дохи, ни денег. / — Поэт Ю. Н. Верховский переселился в Петербург. Ходит в 12 шкурках, а поверх дождевик: еще в 19 году шубу его украли. Профессорствует в университете»⁶.

Как видим, письмо Шишкова является прямым источником текста, опубликованного в журнале. Анонимная заметка — характерный для Ремизова вид творчества «по материалу». При этом писатель сохранил уже присутствовавший в тексте-источнике элемент стилизации «под Ремизова» (анекдотичность сюжета, язык), усилив абсурдный потенциал источника («круглый год таскал доху «на своих еще крепких плечах <...> и только <...> в самые жаркие дни с ней расставался») и применив сказовый тип повествования. На основе этого же письма основана еще одна заметка в том же издании:

«В письме, полученном на днях А. М. Ремизовым от одного русского писателя, сообщается, что в Москве платят сейчас авторский гонорар до 2-2 ½ миллионов руб. за печатный лист. В Петербурге — гонорар меньше»⁷.

Использование текстов писем Шишкова в качестве источников для заметок Ремизова о литературной жизни в Советской России, публиковавшихся в прессе Русского Берлина, продолжалось и далее.

Для сравнения приведу отрывок из письма Шишкова от 28 января 1922 г.: «Написал вчерне 5-ти актную драму, очень хорошую по теме, но отвратительную по исполнению, из жизни революционной деревенской и помещицкой. Не знаю, как назову, мо-

⁶ [Б.н.] Писатели // Бюллетени Дома искусств (Берлин). 1922. № 1–2. 17 февр. С. 14.

⁷ [Б.н.] За границей // Писатели // Бюллетени Дома искусств (Берлин). 1922. № 1–2. 17 февр. С. 19.

жет быть, “Новое пиво”. Пока бросил в стол. Дам год сроку. Закончил и отделяваю рассказ листа на 1 ½ “Алые сутробы”, как два волжских мужика поехали Беловодье искать, праведную землю. Один тихоня, другой медвежатник. Едут через Алтай. Переживают трагические моменты, заблудившись в снегах — летом. Медвежатник гибнет, тихого Афоню спасает татарин. Рассказик из средних. На днях засяду за “Пургу” — давненько написал, листа 4. Эта вещь занятная. Надо только осилить ее. Начал 3 рассказа из петербургской жизни и все бросил, такая мерзость получается».⁸

Сравним с заметкой под заглавием «Труды и дни писателей в России»: «Вяч. Як. Шишков, бывший сибирский атаман, написал пятиактную драму из революционной жизни деревни “Новое пиво”. Еще рассказ “Алые сутробы”: два волжских мужика поехали искать Беловодье — праведную землю; один — тихоня, другой — медвежатник; едут через Алтай, переживают жуткие минуты — среди бела дня летом заблудились в снегах! — медвежатник гибнет, а тихого Афоню татарин спасает. И еще большую повесть “Пурга”. А пишет петербургские рассказы: “Волкобык” — общее всем имя».⁹

Как видим, Ремизов снова выбрал из письма совершенно достоверный факт — автоописание сюжета нового произведения, но описание, исходно содержащее в себе потенциально анекдотический элемент («среди бела дня летом заблудились в снегах!»). Ремизовская заметка вновь представляет собой близкий к тексту пересказ исходного материала. Писатель допускает лишь одну творческую переработку неопределенного описания источника в образ-метафору. Шишковская характеристика петербургских рассказов — «такая мерзость», у Ремизова превращена в фантастический образ «Волкобыка».

Постепенно в письмах Шишкова начали просматриваться завуалированные рекомендации Ремизову не возвращаться в Россию. Так в послании от 2 мая 1922 г. он сообщал: «Вы спрашиваете про заработки в Питере. Литературный заработок скуден. Нельзя и думать им прожить. Вы пишете тихо, и в смысле времени, и в смысле заработка Вам еще трудней. Остается служба. Но теперь

⁸ *Amherst*. Вох. 1. F. 3. № 168.

⁹ [Б.п.] Труды и дни писателей в России // Голос России (Берлин). 1922. № 943. 16 апр. С. 10.

штаты сокращены донельзя. Теперь главным образом поощряется коммерция: приказчики, служащие кооперативов живут сыто. [Весь абзац о возможностях жить литературным заработком подчеркнут Ремизовым. — А. Г.] Квартирный вопрос в Питере почти безнадежен. Мы всё время пытаемся выбраться куда-нибудь в центр, но нет ничего подходящего: или колоссальный ремонт в запущенной квартире, или полтораста миллионов отступного прежнему хозяину. <...> Начал выходить здесь журнал “Мухомор” — работают сатириконовцы. Цензура милостива. <...> Дал туда 4 маленьких рассказа. <...> Воинов, Эмиль Кроткий, Аверченко (получено несколько его рассказов), Азов, Оль Д'Ор (под другой фамилией), Серапионовы братья, художники: В. И. Козельский, Лебедев, Анненков, Радаков и другие. Толк вряд ли будет, дорого обходится, дорого продается и потому плохо идет. Вообще книга, в особенности беллетристика, совсем нейдет».¹⁰

Литературная информация, содержащаяся в этом письме, легла в основу очередной заметки из серии «Труды и дни писателей в России»: «В Петербурге начал выходить сатирический журнал под редакцией Железнова (Эйзена) “Мухомор”: Воинов, Эмиль Кроткий, Аверченко (получено несколько его рассказов), Азов, некоторые из Серапионовых братьев, Вяч. Шишков и художники В. И. Козельский, Лебедев, Анненков, Радаков, Куприянов и С. А. Залшупин (из Берлина). По словам очевидца, толк вряд ли будет: дорого, говорит, обходится, дорого продается и потому плохо идет. Вообще книга, в особенности беллетристика, совсем не идет»¹¹. Как видим, текст ремизовской заметки состоит из близко-го к тексту пересказа и точной цитаты, сопровождаемой завуалированным указанием на источник («по словам очевидца»).

Письма Шишкова содержали также сообщения об изменениях в российской жизни, связанных с введением НЭПа. При этом в них стилистика оптимистичных передовиц советской печати соседствовала с все более использовавшимися приемами «эзопова языка».

Так в письме от 4-7 августа 1922 г. Шишков отмечал: «Питер преобразился. Шумно, не тоскливо, порядок, почти прежняя чи-

¹⁰ Amherst. Box. 1. F. 5. № 38.

¹¹ [Б.н.] Труды и дни писателей в России // Голос России (Берлин). 1922. № 937. 11 июня. С. 9.

стога, трамваи как встарь, до 12 ночи, в будни и в праздники. 3 раза пил с серапионовцами в пивнушке пиво. Магазины, пассажи завалены всякими товарами, на днях открывается на Большой Конюшенной пассаж бывшего Гвардейского Общества. Цены поднялись, но временно. Масло 2 миллиона 100 тысяч, хлеб — 180 тысяч, с новым урожаем — упадут. Книги идут из рук вон плохо: еще пока царствует брюхо, изголодавшееся на вобле и супах из тюенины. Пожалуй, Вам была бы возможность при пайке кой-как существовать, боюсь сказать, что можно прожить безбедно и воздержался бы поэтому настойчиво рекомендовать возвращаться на зиму. Про мебель Вашу еще не сумел узнать, то болен хозяин, то на партийных бесконечных заседаниях, то на даче, то в Москве. Буду ловить».¹²

Петроградский корреспондент сумел выполнить поручения Ремизова, связанные с выяснением судьбы его квартиры и личного имущества. Так в письме от 26 ноября 1922 г. он сообщал ему о финале истории с его мебелью, а также и о своей жизни следующее: «Что касается Ваших шкафов, стульев, столов, они все были еще летом закреплены за Байковым, большим чином в Высшем Совете Народного Хозяйства, как брошенное имущество. Он переехал на другую квартиру и все увез. <..> С нас [имеется в виду Шишков и его жена. — А. Г.] в гостинице [общежитии для писателей. — А. Г.] дуют, и то делая нам великое одолжение, 125 миллионов в месяц. С 23 ноября стали топить. Хорошо, тепло. <..> Здоровье мое неважное, профессор Ланг нашел у меня что-то вроде туберкулеза легких <..>. Чувствую же себя я хорошо. <..> На днях собираюсь в Москву по делам литературным. Там при Совете депутатов образовалось издательство “Новая Москва” <..> Будто бы платят по 100 рублей золотом. Послал я 2 небольших сатирических рассказа, но оба возвратили, придется что-нибудь пресненькое давать. Мы живем хорошо <..> Вообще в Питере жить можно, хотя исключительно литературой — трудно. <..> Пишите, как живется и планы на будущее».¹³

После решения вопросов о материальном имуществе, Шишков занялся судьбой оставленной в Петрограде «интеллектуальной собственности» собрата по перу. В июньских посланиях 1923 г.

¹² Amherst. Box. 1. F. 7. № 53.

¹³ Amherst. Box. 1. F. 8. № 41.

Шишков четко изложил состав и местонахождение архивных материалов (писем) Ремизова и его творческих рукописей, оставленных в Петрограде, и связал потенциальную возможность переправить их в Берлин с дальнейшей судьбой их автора. В письме от 7 июня 1923 г. он отмечал: «Я бы попросил от Вас подтверждения о их высылке. Это ценный материал и, если Вы собираетесь вернуться на Родину, зачем же рисковать отправкой, они могут затеряться. Я их тоже отнесу [имелась в виду их переправка при помощи ездившего в Германию по делам советского торгпредства друга Ремизова С. Я. Осипова. — А. Г.]. Но попрошу не высылать до подтверждения».¹⁴ Вероятно, в ответном послании Ремизов дал четкое указание об отправке своих рукописей, тем самым он ответил Шишкову на его второй вопрос — т. е. сообщил о своем решении не возвращаться в Россию. Далее последовало письмо Шишкова от 29 июля 1923 г., в котором тот информировал Ремизова о следующем: «Сергей Яковлевич [Осипов. — А. Г.] получил командировку в Берлин, увидится с Вами и из Берлина даст распоряжение, как направлять Ваш литературный материал, может быть, придется почтой, но это слишком дорого, так как папки тяжелые. <...> Я из Ваших писем, к сожалению, совершенно не знаю, как Вы живете, как Ваше и Серафимы Павловны здоровье? Нуждаетесь или живете по-среднему? Что пишете? Когда собираетесь возвращаться в Россию? Эх, я с удовольствием бы съездил на Запад, меня, конечно, пустили бы отсюда без всяких разговоров. Но нет денег».¹⁵ Возможно, что содержащееся в письме соединение риторического вопроса о сроках возвращения Ремизова в Советскую Россию со следующим риторическим же утверждением своего желания съездить на Запад также является проявлением уже неоднократно использовавшегося Шишковым «эзопова языка», скрывающего одобрение принятого писателем решения.

Переписка Шишкова и Ремизова оборвалась в конце 1923 г. после переезда последнего из Берлина в Париж. Надо отметить, что это событие положило конец многим контактам писателя с братьями по перу, оставшимися на Родине.

Итак, на основе анализа сохранившихся писем Шишкова к Ремизову можно сделать следующие выводы:

¹⁴ Amherst. Box. 1. F. 9. № 192.

¹⁵ Amherst. Box. 3. F. 1. № 53.

Вяч. Шишков был одним из ближайших доверенных лиц Ремизова, которому писатель поручил разрешить оставленные на Родине проблемы, связанные с его материальным имуществом и интеллектуальной собственностью. Именно он являлся также одним из главных информантов писателя о литературной жизни Петрограда. Как удалось установить, его остроумные и содержательные письма стали текстами-источниками для опубликованных без подписи заметок Ремизова о делах и судьбах русских литераторов в берлинских изданиях «Бюллетеня Дома Искусств» и газете «Голос России». Надо отметить, что петроградский информант знал о подобном использовании своих посланий и выражал лишь шуточные протесты адресату. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Шишкова от 10 июня 1922 г., в котором упомянуто наиболее известное в России берлинское периодическое издание — журнал А. С. Яценко «Новая русская книга»: «Новости: Анна Радлова все более и более хорошеет (только не состряпайте из этого чего-нибудь скандального для “Новой Книги” с упоминанием моей фамилии. Вы, озорник!»¹⁶ В связи с открытием прямой текстуальной и жанровой связи текстов Шишкова с анонимными хроникальными заметками Ремизова также должна быть уточнена оценка ремизовских сатирических хроник как жанра, созданного исключительно самим писателем. Такая оценка была высказана во вступительной статье Л. Флейшмана, Р. Хьюза и О. Раевской-Хьюз к изданию «Русский Берлин. 1921—1923»: «Неслучайно <...> жанровое переосмысление этого явления [жанра литературной хроники. — А. Г.] у Алексея Ремизова <...> Это переосмысление шло у Ремизова в русле его игровой концепции “литературной жизни”, как основанной на “сплетне”. <...> Мемуаристы предупреждают об “испорченности” хроникальных заметок русской берлинской прессы мистифицирующими ремизовскими вторжениями <...> Подчас стилизаторские или прямо пародийные ремарки вкраплены в “нормальный” текст»¹⁷.

Как показало сравнение писем Шишкова и хроникальных заметок Ремизова, последние не только сюжетно, но и жанрово сле-

¹⁶ Amherst. Vox. 1. F. 5. № 44.

¹⁷ Русский Берлин. 1921—1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте / Подг. текста и вступ. ст. Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. 2-е изд. М., 2003. С. 23—24.

довали «традиции Шишкова». В дальнейшем подобный жанровый тип игровой сатирической хроникальной заметки-анекдота был использован Ремизовым при создании текстов аналогической жанровой природы «на злобу дня» эмигрантской писательской жизни не только в берлинский период, но и в ранние парижские годы (например, при работе в журнале «Ухват»). Отмечу, что Шишков очень рано понял невозможность свободного развития сатирических жанров в условиях диктатуры пролетариата и еще в 20-е годы ушел в «Беловодье» исторической романистики.

В своих письмах к Ремизову он в той или иной степени дал ответы на большую часть конкретных вопросов, связанных с Советской Россией и волновавших писателя в Русском Берлине. Их суммирование давало ответ на основной обдумываемый Ремизовым вопрос — о последствиях его возвращения на Родину. Шишков не был единственным корреспондентом, определенным образом повлиявшим на решение Ремизова остаться в эмиграции. Однако рассказы Шишкова о «хорошей» жизни литераторов в Советской России, несомненно, способствовали окончательному выбору писателя.

На настоящий момент известны только письма Шишкова к Ремизову. Где находятся и сохранились ли ответные послания — неизвестно. В личном архиве Вяч. Шишкова, находящемся в Москве (РГАЛИ), раздел эпистолярного наследия почти отсутствует. Возможно, что письма Ремизова, как и другие материалы, сочтенные компрометирующими, были уничтожены самим адресатом — писателем, жившим и умершим в стране Советов.